

Архимандрит Августин (НИКИТИН)

ЛЮБЛЮ ТЕБЯ, ПЕТРА ТВОРЕНЬЕ!

Часть 3

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ДУХОВЕНСТВО В ЗАПИСКАХ ИНОСТРАНЦЕВ

Петровская эпоха

Взаимоотношения Петра I с российским духовенством были сложными и неоднозначными. Это известное обстоятельство не осталось не замеченным даже для иноземцев. Вот что писал, например, один немецкий гость, побывавший в будущей российской столице в 1710—1711 годах: «Говорят, что Его Величество хочет, чтобы в русских церквах вместо одного теперешнего чтения и пения молитв постоянно проповедовалось, по примеру других христианских народов, слово Божие на природном языке и чтобы Священное Писание, распространенное только в славянском переводе, и то весьма посредственном, было переведено на общенародный русский язык и стало понятным всякому, даже простолюдину. Наконец, Его Величество намерен заставить архимандритов и священников более прилежать к учению и наукам, ибо теперь для посвящения в духовный сан достаточно быть немножко грамотным»¹.

Действительно, Петр I, желая насадить просвещение в церковной сфере, действовал весьма решительно. Об одной из крайностей в этом стремлении упоминает англичанка Элизабет Джастис, жившая в Петербурге в 1730-х годах и наслышанная о крутом нраве Петра I. Сначала она сообщает о том, что «русским священникам дозволено жениться один раз. Одежды священников — из черной ткани, покрывающей и голову (?)». Они носят длинную бороду и оценивают друг друга в значительной степени по ее виду»². Затем Э. Джастис добавляет, что «во времена Петра Великого многие предпочитали пойти на костер, но не позволяли себя обрить»³.

Архимандрит Августин (в миру — Дмитрий Евгениевич Никитин) родился в 1946 году в Ленинграде. Окончил физический факультет Ленинградского государственного университета. В 1973 году принял монашеский постриг с именем Августин. Пострижен в монашество митрополитом Никодимом в Благовещенской церкви его резиденции в Серебряном Бору в Москве. В 1974 году рукоположен во иеродиакона и иеромонаха. Окончил Санкт-Петербургскую духовную академию, преподаватель, доцент Санкт-Петербургской духовной академии.

¹ Описание Санкт-Петербурга и Кроншлота в 1710-м и 1711 годах. СПб., 1860. С. 64.

² Джастис Э. Три года в Петербурге // Нева, 1988, № 5. С. 203.

³ Там же.

Интересную оценку деятельности Петра I в отношении Церкви дает один из членов баварской делегации Мальтийского ордена, прибывшей ко двору императора Павла I в ноябре 1799 года. Рыцарь ордена святого Иоанна Иерусалимского замечает относительно церковной политики Петра, что «русское духовенство с Петра Великого значительно потеряло в своем значении. Петр Великий уничтожил патриаршество, присоединив его к короне»⁴.

Действительно, после кончины всероссийского патриарха Адриана (1700) Петр не допускал избрания нового предстоятеля Русской православной церкви, а в 1721 году был учрежден Святейший Синод, послушный монаршей воле. Синод открылся 14 февраля 1721 года в бывшем доме графа Брюса на Петербургской стороне, потом его перевели в дом, купленный у князя Гагарина в той же части города. В 1744 году, несмотря на возражения Синода, он был перемещен в здание 12 коллегий. При первоначальном открытии Синода присутствовал сам Петр⁵.

Сначала Синод состоял из одиннадцати членов во главе с президентом — **митрополитом Стефаном (Яворским)**. Кристоф Герман Манштейн, состоявший на русской службе в 1736—1744 годах, описывает кризис духовного образования в петровскую эпоху: «При вступлении на престол Петр I застал весь свой народ в самом грубом невежестве; даже священники едва умели писать; главнейшие качества, требуемые в то время от духовного лица, заключались в том, чтобы он мог бегло читать и знал хорошо все церковные обряды; если при всем этом у него была густая борода и суровый вид, то он считался уже великим человеком. Одно только украинское духовенство имело некоторую тень образования, но и то в весьма незначительной степени; тем не менее, этих людей пришлось употребить для просвещения остальных. Петр I, желая, чтобы его подданные, в особенности духовенство, были более образованы, поручил рязанскому архиепископу Стефану Яворскому основать школы при московских монастырях и в других подходящих местах. Архиепископ вызвал наставников из Киева и Чернигова, и началось обучение юношества, подвигавшееся, впрочем, очень медленно. Несколько лет спустя император, считая себя вправе быть недовольным этим архиепископом за то, что он не соглашался на изменения, которые этот государь желал ввести в управление Церковью, лишил его своего доверия»⁶.

Одним из членов Святейшего Синода был **архиепископ Новгородский Феодосий (Яновский)**, которого Петр I некогда поставил во главе Александро-Невского монастыря. Вот лишь один эпизод из церковно-общественной жизни петровской эпохи, связанный с этим видным иерархом. В июле 1721 года состоялся спуск на воду очередного корабля; как свидетельствует Берхгольц, Петр I «обошел вокруг корабля и осмотрел, все ли приготовлено, как нужно: Его Величество в таких случаях верит только собственным глазам. Найдя, что все готово, он взшел на корабль и приказал начать его освящение... Обряд освящения совершал епископ Новгородский (Феодосий. — *Авт.*) в задней каюте, наверху. Новый корабль получил имя „Пантелеимон“»⁷.

Реализация реформ, насильно внедрявшихся Петром I в жизнь Русской церкви, во многом обеспечивалась личным участием императора в заседаниях Синода. Неудивительно, что после его смерти сразу же была предпринята попытка возрождения прежних традиций. Инициатива при этом исходила от того же архиепископа Феодосия (Яновского), который после кончины императора оказался в лагере его против-

⁴ Записка баварца о России времен императора Павла // Русская старина, 1899. Т. 99, сентябрь. С. 556.

⁵ См.: Материалы для истории Православной Церкви в царствование императора Николая I // Русская историческая библиотека. Т. 113. Кн. 1. СПб., 1902. С. 235.

⁶ Манштейн Кристоф. Записки о России. Ростов-на-Дону, 1998. С. 394—395.

⁷ Дневник камер-юнкера Берхгольца. 1721—1725 годы. Ч. 1. М., 1858. С. 82.

ников. Вот что докладывал по этому поводу королю Фридриху Вильгельму в письме от 15 мая 1725 года Густав фон Мардефельд, прусский посланник при русском дворе в 1717–1730 годах: «Архиепископ Новгородский, первое духовное лицо в государстве, подвергнут опасному следствию и, по слухам, совершил государственную измену. Его намерение было сделаться незаметным образом патриархом. Для этой цели он сделал в Синоде, и притом с внесением в протокол, следующее предложение: председатель теперь умер, император был тиран, который не уважал религии, а напротив, лишил духовенство его собственности; императрица (Екатерина I. — *Авт.*) не может предостоять Церкви, а, следовательно, дошла теперь очередь до него сделаться председателем Синода. Весь Синод объявил ему, что они и знать ничего не хотят о его председательстве. Чем был император, тем же теперь — императрица, без приказаний которой они ничего не предпримут»⁸.

Интересно, что Берхгольц, хорошо знавший «тайны русского двора», в своих записках прослеживает основные моменты отстранения Феодосия (Яновского) от церковных дел. Вот его сообщение от 24 апреля 1725 года: «Говорят, сегодня архиепископ Новгородский, навлекший на себя немилость императрицы, не был допущен к Ее Величеству. Ему не предвещают ничего хорошего, хотя он и первое духовное лицо в государстве и старший вице-президент так называемого Святейшего Синода»⁹.

Еще какое-то время Феодосий исполнял представительские обязанности, но тучи все продолжали сгущаться над его митрой. 25 апреля того же 1725 года Берхгольц сообщал про спуск на воду и освящение 54-пушечного корабля под названием «Noli me tangere», то есть «Не тронь меня»; «Между прочими духовными лицами на корабле, против всякого ожидания, был и архиепископ Новгородский»¹⁰.

Попытка Феодосия (Яновского) ослабить зависимость Русской православной церкви от государства окончилась плачевно: его сослали в Никольский Корельский Архангельский монастырь. В дневнике Берхгольца от 12 мая 1725 года имеется следующая запись: «В этот день торжественно, с барабанным боем, обнародован был приговор, произнесенный над архиепископом Новгородским, знатнейшим духовным лицом в России, и удивительно, что о нем, сколько слышно, никто не сожалеет, напротив, все, как знатные, так и незнатные, говорят, что с ним поступлено милостиво, если строго принять в соображение его преступление»¹¹.

Может возникнуть вопрос: откуда у немецкого дипломата такая осведомленность о внутренних церковных проблемах чужой страны? Возможно, он получал сведения, как говорится, из первых рук, поскольку имел хорошие личные отношения с членами Святейшего Синода. Об этом свидетельствует, например, его запись от 26 января 1725 года: «Во второй день праздника (Рождества Христова), в 12 часов приехали к нам на обед приглашенные третьего дня члены Синода. Их было только 7, но они привезли с собою еще 6 светских лиц, принадлежащих также к Синоду и исправляющих там должности прокуроров, обер-секретарей и секретарей. Некоторые из этих синодальных членов люди очень образованные и ученые, в особенности архиепископы Новгородский и Псковский, и еще один, по имени Кролик (Crolli) (Феофил, архимандрит. — *Авт.*), который говорит на многих языках и, между прочим, довольно свободно объясняется по-немецки»¹². Вполне возможно, что именно за такими застольями Берх-

⁸ Дипломатические документы, относящиеся к истории России в XVIII столетии. Донесения барона Густава фон Мардефельда // Сборник Императорского русского исторического общества. 1875. Т. 15. С. 284–285.

⁹ Дневник камер-юнкера Берхгольца... Ч. IV. М., 1863. С. 98.

¹⁰ Там же. С. 98–99.

¹¹ Там же. С. 102.

¹² Там же. С. 80.

голец получал интересующие его сведения о закулисных сторонах синодальной жизни. Свое сообщение немецкий дипломат заканчивает краткой фразой, позволяющей выявить каналы «утечки информации»: «Пили сильно»¹³.

Интересные сведения о духовном просвещении в России содержатся в записках Михаила Фандербека. (В последние годы царствования Петра Великого Михаил Шенд Фандербек, по ученому прозванию Критодемус, доктор философии и медицины, был главным начальником военных госпиталей в Санкт-Петербурге.) «Между всеми членами особенно отличается и не одним только саном, но и своей ученостью, Феофан Прокопович, бывший прежде архиепископом псковским, а после новгородским, — пишет Фандербек. — Этот человек обладает дарованиями огромными, окружен почестями, словом, краса русской Церкви; все здешние ученые отдают ему полное преимущество, в не напрасно. Он отправлялся в Рим, бывший прежде сокращением всего мира, а теперь торжищем наук, для приобретения познаний. Возвратясь с богатейшим запасом сведений, он издал в свет множество умных церковно-политических сочинений, прославился своей ученостью, прошел все ступени почестей и наконец достиг самого высшего сана. Нет науки, с которой бы он не был знаком; но более всего так силен в изящной словесности, что все ученые называют его русским Демосфеном. Он покровительствует наукам и ученым и, самым предупредительным образом, благодетельствует юношам, подающим собою блестящие надежды: они воспитываются на его счет и учатся всему, начиная от нравственных до свободных наук. Кажется, он создан не для себя, а для других; все добрые люди одного только и желают, чтобы время, так блистательно поднятое им, он мог нести здраво и невредимо на пользу России; и так как его благоволение и его покровительство служит основанием нашего литературного благоденствия, то мы считаем величайшей для него похвалой „невозможность похвалить его достаточно“ (в подлиннике эта мысль выражена стихом)»¹⁴.

Вот еще несколько строк из записок Фандербека: «Наш ученый круг еще уважает Феофилакта Лопатинского, епископа тверского, который почти не уступает Феофану. Этот человек самого многостороннего образования, знаток греческой литературы, которою занимался очень прилежно и с большими успехами. Он был профессором в Московской Заиконоспасской греко-латино-российской академии (Archi-gymnasium). После многолетних занятий на этом поприще, принесших юношеству большую пользу, он был вызван и возведен на ту степень, которую теперь занимает. Его непоколебимая честность во всех обстоятельствах жизни напоминает собою золотой век. Одним словом, „если бы добродетель можно было нарисовать, то он был бы ее портретом“ (в подлиннике выражена эта мысль стихом: Si pingi virtus posset, imago foret)»¹⁵.

Послепетровская эпоха (1725–1730)

В эпоху правления Екатерины I и Петра II иностранцы, жившие в России, продолжали пользоваться большими правами, в том числе и свободой вероисповедания. В эти годы активную миссионерскую деятельность в Петербурге развил полномочный посланник в России Хакобо Ф.-Д. Стюарт, герцог де Лириа-и-Херика. Прямой потомок Марии Стюарт, он принадлежал к одному из самых знатных родов Европы. «Дюк Лирийский», как именовали его русские, стал первым представителем Испании при российском дворе, что было подчеркнуто в инструкции короля Филиппа V, врученной ему при отъезде в Россию: «Вы — первый посланник короны нашей при Дворе, куда Вы

¹³ Там же.

¹⁴ Михаэль Шендо ван дер Бек. О состоянии просвещения в России в 1725 году // Сын отечества, 1842, № 1. С. 14.

¹⁵ Там же. С. 14–15.

назначаетесь»¹⁶. Таково начало королевского «наказа», в котором предписывалось по приезду в Россию проявлять благоразумие в делах веры: «Такая осторожность уже сама по себе весьма нужна для Вашей службы и для исполнения возложенных на Вас обязанностей, но она тем более важна при дворах, которые не исповедуют нашу святую религию (католичество. — *Авт.*) и где поступки, дела и суждения католиков служат предметом внимания и обсуждения»¹⁷.

Этот документ относится к 1727 году, а два года спустя герцог Лирийский уже активно участвовал в миссионерской деятельности. Дело в том, что после открытия «окна в Европу» Петром I в Европе ходили упорные слухи о возможном объединении двух церквей, Православной и Римско-католической. Одним из поборников этого проекта был герцог Лирийский — он вел переписку по этому поводу с австрийской императрицей и с другими доверенными лицами¹⁸.

Герцог Лирийский скептически относился к слухам по поводу симпатий Петра I к Римско-католической церкви. Вот ход рассуждений испанского посланника: «Я не разделяю мнения о том, что царь Петр I намеревался осуществить, либо содействовать осуществлению такого объединения. Его Царское Величество в большой степени склонялся к лютеранству, яд которого он вкусил в Голландии и в необходимости учреждения которого он неизменно убеждал российский Синод. Помимо прочего, его гордость не позволяла ему смириться с главенством папы, и он неизменно стремился стать главою Церкви, подобно английскому королю. Об этом в достаточной степени свидетельствует принижение им достоинства патриарха, полномочия которого по управлению церковными делами он сократил, создав суд под названием Синод, подчиненный Е. Ц. В-ву, каждый член которого прежде, чем приступить к осуществлению своих обязанностей, приносит клятву, в которой он признает Е. Ц. В-во главою Синода»¹⁹.

Одним из противников объединения Православной и Римско-католической церквей в те годы был Феофан (Прокопович) — известный проповедник и государственный деятель петровской эпохи. Родился он в 1681 году в Киеве, образование получил в Киево-Могилянской академии, потом уехал в Рим, где слушал лекции в иезуитской коллегии св. Афанасия и «из жажды знаний» принял католичество. В 1704 году, возвратившись в Киев, Феофан снова обратился в православие. Благодаря своим способностям, он вскоре сделался известным Петру I, который приблизил его и использовал²⁰.

С 1724 года Феофан (Прокопович) был архиепископом Новгородским, но практически в его полном ведении находилась вся церковная жизнь российской столицы. Именно в лице Феофана (Прокоповича) герцог Лирийский видел главное препятствие на пути к объединению Церквей: «Сегодня, когда во главе Синода стоит митрополит²¹ Новгородский, об объединении, на мой взгляд, не может быть и речи. Этот человек, проявляющий большую склонность к лютеранству, смелый и образованный, враг католической религии, хотя и учился на протяжении многих лет в Риме, имеет почти неограниченное влияние на русский клир. Он пользовался неограниченным влиянием на Петра I»²².

¹⁶ Инструкция Филиппа V полномочному посланнику Испании в России Хакобо Ф. Д. Стюарту, герцогу де Лириа-и-Херика от 11(22) января 1727 года // Россия и Испания. Т. 1. М., 1991. С. 116.

¹⁷ Там же. С. 116—117.

¹⁸ Там же. С. 135.

¹⁹ Письмо Х. де Лириа послу Испании в Австрии Хосе де Вьяне-и-Эгилусу. Москва, 29 апреля 1729 г. // Россия и Испания. Т. 1. М., 1991. С. 133.

²⁰ См.: Полный православный богословский энциклопедический словарь. Т. 2. СПб., 1913. С. 2417.

²¹ На самом деле архиепископ Феофан никогда не был митрополитом. — *Примеч. ред.*

²² Письмо Х. де Лириа послу Испании в Австрии... С. 133.

В своей миссионерской деятельности герцог Лирийский опирался на ближайшего помощника — о. Бернардо де Риберу, который находился в Петербурге в качестве капеллана. «Он — монах-доминиканец, доктор богословия и проповедник, человек истинно глубоких познаний, — отзывался об о. Бернардо герцог Лирийский. — Религиозное рвение побудило этого достопочтенного монаха со времени приезда сюда обратиться к написанию на прекрасном латинском языке трактата о русском Православии с целью доказать (и это ему удалось), что Католическая Церковь и те, кто с ней связан, представляют собой подлинную Христову Церковь; что папа является, согласно установлениям нашего Спасителя, Ее верховным Первосвященником, призванным быть главенствующим представителем всей Церкви; и, наконец, что во всем, что их отличает от нас, они вступают в явное противоречие с положениями Евангелия и решениями самих Вселенских соборов, которых они придерживаются»²³.

В 1729 году о. Рибера был представлен архиепископу Феофану (Прокоповичу), а вскоре направил ему свой богословский трактат, приложив к нему сопроводительное письмо. Как сообщает далее герцог Лирийский, о. Рибера «обратился с просьбой к Его Преосвященству, чтобы тот любезно согласился ответить на затронутые им вопросы»²⁴. Но Феофан избегал богословских споров с католиками, и, как пишет герцог Лирийский, «несмотря на все усилия святого отца Риберы, ответа он не получил: митрополит отделяется обещаниями и не желает обсуждать вопросы по существу»²⁵.

И все же герцог Лирийский считал, что среди иерархов Русской православной церкви он мог бы найти сторонников унии. Правда, его оценка таких возможностей была преувеличена, о чем свидетельствуют, например, такие его рассуждения: «Разумеется, не все прелаты сходятся во мнении с митрополитом Новгородским, есть такие, кто проявляет симпатии к католической религии, есть и такие, в отношении которых существует подозрение, что они на самом деле являются католиками»²⁶.

Но как бы там ни было, архиепископ Феофан стал для испанского посланника главным противником при осуществлении задуманных им планов. Утратив чувство реальности, он готов был даже пойти на вмешательство в дела суверенного государства. «Единственным способом приступить к переговорам об объединении Церквей, о которых идет речь, было бы прежде всего добиться удаления от дел митрополита (Феофана. — *Авт.*) и поставить на его место во главе Синода прелата, способного рассуждать здраво, такого, с которым можно было бы спокойно вести эти переговоры, а таких при желании можно было бы найти немало»²⁷. Таково было первое «условие», выдвинутое испанским герцогом. Всего таких пунктов в его плане было семь²⁸.

Так как прежде всего необходимо было воздействовать на Феофана (Прокоповича), ближайший помощник герцога о. Рибера приступил к этому столь рьяно, что в 1730 году разногласия между испанским монахом и архиепископом Новгородским вылились в настоящий конфликт; о. Риберу обвинили в навязывании публичных споров с Феофаном. В конце концов это привело к тому, что о. Рибера вынужден был покинуть Россию; в том же 1730 году отбыл из Петербурга герцог де Лириа. А деятельность архиепископа Феофана продолжалась и в годы правления следующей самодержицы Анны Иоанновны.

²³ Там же. С. 134.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. С. 134–135.